

Тристания

МАРИАННА

КУРТТО

Т р и с т а н и я

*Можешь ли ты связать узел Хима
и разрешить узы Кесиль?*

Иов 38: 31

Если бы волны умели чувствовать, они поражались бы, ударяясь об остров, потому что до этого мгновения считали бы свой путь бесконечным или думали, что мир и есть бесконечность. Но они просто ударяются о серые камни и черный песок, подсакивают в воздух и колкими каплями проливаются на онемелую береговую линию. Волны тянутся все дальше, понемногу проникают все глубже, так, что зарывшиеся в песок улитки вскоре ощущают на теле воду, пропускают ее внутрь себя.

Миновав улиток, волны поражаются бы еще сильнее, ударяясь о каменную громаду, сползшую с берега в море. Образовавшаяся глыба черная; мгновение назад, соприкоснувшись с водой и холодом, она шипела жаром, но сейчас умолкла, замерла, точно внезапно застывший нефтяной водопад. Она кажется незыблемой, сформировавшейся, однако любой путник, взглянувший на эту картину, понял бы, что гора пока не воздвиглась окончательно и что остров будет менять свои очертания еще долго после того, как наш собственный разум угаснет.

И если бы этот путник, который увидел место, где лава спускается в море, поднялся выше, взобрался по песчаной тропе, протоптанной легкими и быстрыми ногами, к поселку, пересек смотровую пло-

щадку, не задерживаясь, оставил позади перекресток, не считая, сколько дорог в нем сходятся, — он не встретил бы по пути ни души, хотя на острове по-прежнему ощущается жизнь: на обоях отпечаталось дыхание, на шторах видны прикосновения пальцев, а в простынях витает стойкий человеческий запах.

Пройдя поселок, путник взобрался бы еще выше, туда, где людских следов остается все меньше, камни становятся все более безжизненными, а трава бесчувственно колыхается на ветру. Он был бы один. Словно влекомый непреодолимой силой, он продолжал бы подъем туда, где кончается земля и начинается небо, по которому плывут перистые облака. Именно там, наверху, расположено место, где открывается пламенеющее сердце горы.

Но путь до края этого сердца долог.

А далеко внизу волны бьются о берег, который понемногу остывает.

Если бы они умели чувствовать, то испугались бы острова настолько, что заledenели бы и перестали быть водой. Но они не умеют чувствовать, они бьются о сушу, уносятся обратно в открытое море и растворяются в нем.

На берегу нет ничего, кроме расплывчатых форм, воды и черных песчинок, напоминающих погасшие звезды.

1

Тристан-да-Кунья, октябрь 1961 г.

ДЖОН

СЕГОДНЯ Я ЛЕЖУ в кровати дольше, чем в другие дни, и смотрю, как солнечный свет ползет по шторам к пальцам на моих ногах. Мне не нужно просить разрешения поспать, потому что сегодня суббота. Школьная дверь заперта, дети не бьют друг друга по голове тетрадками, а учительница не топчется вверх по склону, на ходу стирая с лица остатки сна.

Свет ползет все так же медленно, а по стене стремительно несется муравей — солдат, отбившийся от своих. Он останавливается, крутит усиками, меняет направление и продолжает путь.

Сегодня мама тоже спала дольше. Только сейчас я слышу, как она поднимается, гремит на кухне посудой и напевает. Мелодия та же, что и всегда: мама кипятит воду, выливает ее в чайничек, где лежат уже однажды заваренные чайные листики. В задумчивости скользит взглядом по стене, по страницам старой газеты, исполняющей роль обоев. В газете фотография кошки, спасенной из горящего дома. Перепуганная кошка напоминает большую рану на

руке пожарного, в которую она так отчаянно вцепилась.

Спустя мгновение мама уже в другой части кухни. Собирает волосы в нетугой пучок и повязывает крашеную косынку.

Когда она приближается к моей комнате, я слышу только шелест одежды. Мама открывает дверь так, чтобы она почти не скрипела, и заглядывает внутрь.

Я делаю вид, что сплю.

Мама делает вид, что верит.

Закрывает за собой дверь и уходит.

Лиз

ЭТИМ УТРОМ Лиз идет на прогулку, но по Тристану нельзя гулять, как в других местах. Тут некуда пойти развлечься, потому что Тристан — это остров, остров-гора двухкилометровой высоты, овражистая, спускающаяся далеко в глубь океана.

Стоит весна. Солнце пылает жаром, переливаясь оттенками желтого и белого, ветер мечется между домами и кустами, отчего все вокруг наполняется жизнью.

Лиз надевает длинную юбку и шерстяную кофту, выходит за дверь и отправляется пешком по центральной поселковой дороге, на которой вторым с конца стоит ее дом. Вскоре Лиз добирается до перекрестка, где сходятся все три дороги и где установлены три камня. Говорят, это надгробные камни, под которыми покоятся первые жители острова, мужчины, о чьих судьбах ходит много историй, — так много, что быль давно стала небылью, а того, что от них осталось, не нашли и по сей день. На камнях ничего не написано, но они стоят тут с незапамятных времен и дают название Пере-

крестку трех камней — месту встречи всех жителей поселка, где сегодня Лиз должна увидеться с Элиде.

Как всегда, Элиде опаздывает; как всегда, ее голова забита семейными делами, домашними хлопотами и детскими болезнями.

— Хильда опять всю ночь кричала, — говорит она и чмокает Лиз в щеку.

— Бедняжка.

— Хорошо тебе, у тебя-то Джон уже почти взрослый. И здоровый.

— Твоя правда... — кивает Лиз и улыбается, думая о сыне, который спит в детской, свернувшись мягким теплым комочком.

А в остальных комнатах дома холодно.

— Ну, пошли? — говорит она и приподнимает потрепанный подол своей юбки.

От перекрестка Лиз и Элиде идут вперед, сначала мимо дома Тильды («Однажды этот дом уйдет под землю», — роняет на ходу Элиде), а потом мимо консервного завода, где фасуют крабов и рыбу. За заводом начинается песчаная тропа, проходящая вдоль Цыганского оврага; по этой тропе подруги поднимаются к плато, на котором пасутся овцы.

На полпути в гору Элиде останавливается и упирается ладонями в колени.

— Такое чувство, что сегодня пастбище находится выше, чем обычно.

— А может, это гора сдвинула камни, чтобы посмеяться над нами, — отзывается Лиз, — или ноги у нас уже не те, что раньше.

— Быть того не может. У нас и сейчас ноги как у горных козочек!

Когда они добираются до цели, Лиз успевает запыхаться и вспотеть. Она снимает кофту, встает спиной к горе и смотрит на огромный купол синего неба. Трава, море, рыбацкие лодки, напоминающие больших птиц на водной глади, — все выглядит пронзительно ярким. Кажется даже, что водоросли в море полыхают жаром.

— Красиво, — произносит Лиз.

— День будет хороший, — откликается Элиде.

Лиз разворачивается лицом к горе и обводит взглядом овец, которые беззаботно щиплют траву и ни о чем не думают.

Приставляет ладонь козырьком ко лбу и ищет среди животных тех, у кого на ухе виден знак, вырезанный ее мужем.